

АВТОРСКИЙ МИФ М. ЦВЕТАЕВОЙ В ЦИКЛЕ «П. Э.»

С. А. Фокина

*(кандидат филологических наук, доцент,
Одесский национальный университет имени И.И. Мечникова)*

У статті аналізується вплив авторського міфу М. Цветаєвої на художню своєрідність циклу «П. Е.». Досліджується специфіка осмислення поетесою становлення на ранньому етапі авторського міфу крізь призму світоглядних домінант її художньої системи.

In the article is analyzed influence of authors myth of M. Tsvetaeva on artistic originality of cycle «P. E.». The specific of becoming on the early stage of authors myth by the poetess through the prism of worldview dominants of her artistic system is investigated.

Актуальность поставленной проблемы связана с проявлением интереса современного цветаеведения к изучению самобытности авторского мифа М. Цветаевой в контексте эстетических практик Серебряного века.

Цикл «П. Э.» среди творческого наследия М. Цветаевой является относительно мало изученным. Исследователи лирической системы поэтессы (А. Саакянц [1], В. Швейцер [2], И. Шевеленко [3]), включали цикл «П. Э.» в поле своего исследования, но все же уделяли интерпретации этого произведения недостаточно внимания. Между тем цикл «П. Э.» (1914) является переломным в становлении М. Цветаевой как поэта в ранний период ее творчества. Несомненно, что данный цикл заслуживает более пристального прочтения и осмысления.

Цель данной статьи – выявить влияние биографического подтекста и авторского мифа на эстетические стратегии М. Цветаевой в цикле «П. Э.».

Цикл «П. Э.» отличает та самая дневниковость, которая стала своего рода визитной карточкой юной М. Цветаевой и удостоилась отзыва В. Брюсова: *Стихи Марины Цветаевой <...> всегда отправляются от какого-нибудь реального факта, от чего-нибудь действительно пережитого, <...> и это придает ее стихам жуткую интимность. <...> Получаются уже не поэтические создания <...>, но просто страницы личного дневника...* [4, 28]. Каждое стихотворение цикла по своему коммуникативному посылу напоминает дневниковые записи, раскрывающие отношения поэтессы со старшим братом Сергеем Эфрона.

Первые два стихотворения цикла строятся как воспоминания. Они были написаны 17 и 28 июня 1914 года в Коктебеле, до приезда в Москву, где М. Цветаева застала тяжелобольного, умирающего Петра Эфрона.

Именно в данном цикле формируется одна из важнейших мифологем творчества М. Цветаевой – мифологема песенного дара, реализуемая как стремление преодолеть неизбежную разлуку и вырвать восплаемого П. Э. у смерти. Как замечает А. Саакянц, *почти ежедневно Цветаева пишет больному стихи и письма; стихам она не дает “улучься” дарит их написанными сразу, и они, вливаясь в письма, образуют как бы некий лирический водопад* [1, 65]. Показательно и размышление В. Швейцер о том, что *это не была страсть, но ведь для М. Цветаевой в жизни и в любви <...> разлука важнее встречи. Здесь же с первого мгновения над ними нависла тень вечной разлуки, смерти* [2, 124].

В первых стихотворениях цикла «П. Э.» проявляется тенденция к фиксации ощущений, импрессионистическим зарисовкам, особый интерес к предметному ряду, символизации его. Тщательная подробность в воссоздании эмоций и ощущений, отстраненность лирической героини от окружающей действительности указывает на состояние нервного возбуждения, восприятия себя со стороны:

*День августовский тихо таял
В вечерней золотой пыли.
Неслись звенящие трамваи,*

И люди шли [5, 204].

Такая коммуникативная стратегия обусловлена установкой преклонения перед героем и воспеванием его. Неизменно настойчивое самоотверженное желание лирической героини внимать герою, вглядываться в него, навсегда запомнить мельчайшие подробности общения с ним. Герою придаются черты необыкновенности, утонченности, поэтому каждая подробность обретает особый смысл:

*Склонился, королевски – прост. –
И было страшное сиянье
Двух темных звезд [5, 206].*

Третье стихотворение имеет единственное в цикле название «Его дочке». Впервые отчетливо звучит тема смерти (у Петра Эфрона умерла маленькая дочь). Лейтмотивным становится образ ласточек, который соотносится с образом ребенка:

*В марте месяце родиться
– Господи, внемли хвале! –
Это значит быть как птица
На земле [5, 209].*

Волею автора ласточки вводят ребенка в мир, и они же его уносят. Ласточка в творчестве М. Цветаевой символизирует душу, в цикле получает дополнительную смысловую нагрузку, имплицитно вводя мотив невинности (*Божий птенчик*). Особую тональность задают мотивы прощания и благословления:

*Спи, дитя. Спи, Божий птенчик.
Баю-бай [5, 209].*

В четвертом стихотворении наиболее полно раскрывается чувство лирической героини к герою, представленное как самоотречение и одержимость, определяя своеобразие коммуникации:

*Я тень от чьей-то тени. Я лунатик
Двух темных лун [5, 210].*

Пятое стихотворение цикла посвящено смерти героя. Как верно замечает И. Шевеленко, *пережитая <...> смерть близкого человека – Петра Эфрона, брата мужа, краткое увлечение которым отразилось в цикле “П. Э.”*, – *служит <...> поводом говорить об относительности того, что именуется словом “смерть”* [3, 92]. Создается впечатление, что об обреченности П. Э. лирическая героиня изначально знает, отсюда обостренное желание запечатлеть и сохранить его образ, каждую мелочь, связанную с ним. Так реализуется коммуникативная стратегия, которая позволит противостоять смерти и неизбежной разлуке. Возникает оппозиция жар / холод. Герой характеризуется как *безумие и пыл*, а мотив смерти связывается с семантическим полем, куда входят значения «холод» и «снег»:

*Чтоб он под этим первым снегом
Не слишком дрог [5, 210].*

Стихотворение строится как обращение к женщинам, любившим героя. Мотив памяти противопоставляется мотиву смерти, интерпретируясь как обретение бессмертия:

*Так и не будьте вероломны
У бедного его креста,
И каждая тихонько вспомни
Его уста [5, 211].*

Шестое стихотворение представляет собой монолог лирической героини, обращенный к герою. Сюжет центрирует идея духовной близости с покойным:

*Послушайте, мертвый, послушайте милый:
Вы все-таки мой [5, 212].*

Лирическая героиня осознает разлуку как нечто временное, не соотнося смерть ни с переходом в иной мир, ни с прекращением существования:

*Вы просто уехали в жаркие страны,
К великим морям.*

<...>

*Я смерти не верю! Я жду Вас с вокзала –
Домой [5, 212].*

Конкретные реалии, связанные со смертью героя (могила, траурные ленты венков), в определенном смысле «преодолеваются» памятью героини:

*– Что ленты от Ваших венков! –
Я Вас не забыла и Вас не забуду
Во веки веков! [5, 212]*

Но это уверение опровергается из-за отсутствия коммуникативного партнера, к которому оно обращено. Восприятие его как реального «другого» невозможно. Так осознается смерть и определяется ее статус в авторском мифе М. Цветаевой:

*– Письмо в бесконечность. Письмо
в беспредельность –
Письмо в пустоту [5, 212].*

Седьмое стихотворение написано как обращение, что подтверждается оценочной характеристикой *милой друг*, имеющей еще и функцию называния. До этого лирическая героиня всегда обращалась к адресату на «Вы», не называя имени. Изменение обращения подчеркивает интенсивность стремления к сближению с коммуникативным партнером даже вопреки его отсутствию. Такая коммуникативная направленность во многом определит своеобразие авторского мифа поэтессы в дальнейшем. Чем больше интенсивность чувства, тем непреодолимей разлука, и в то же время подлинно тяготение друг к другу вопреки расставанию (Родзевич), расстоянию (Эфрон, Пастернак) и даже смерти (Блок, Рильке).

Важное место в стихотворении отводится мотиву памяти, реализуемому не через связь с материальными объектами, которые могли бы напоминать о герое, а благодаря живым впечатлениям:

*Я обманута и я обокрадена, –
Нет на память ни письма, ни кольца!
Как мне памятна малейшая впадина
Удивленного – навеки – лица [5, 213].*

Если в шестом стихотворении место нахождения адресата *бесконечность, беспредельность, пустота*, то в седьмом – герой определяется как *ушедший дальше, чем за море и ушедший в вечное плаванье*. Возможно, здесь проявляется интертекстуальная связь с «Плаваньем» Ш. Бодлера и стихотворением А. Блока «Девушка пела в церковном хоре» (1905). Морская стихия в творчестве М. Цветаевой изображается гибельной, отмеченной печатью небытия. Такая семантика апеллирует к архетипическому подтексту образа моря. Особенно если учесть, что понятие «*потусторонний мир*» первоначально имело значение «*относящийся к воде*» [6, 77]. (Согласно древним представлениям, души умерших переправлялись в загробный мир по воде). В данном случае обыгрывается идея памяти и связь моря с загробным миром. Мотив «плаванья» и завершает цикл:

*Помолитесь обо мне в райской гавани,
Чтобы не было других моряков [5, 213].*

На основании проведенного анализа можно сделать вывод, что семантическую структуру цикла организуют лейтмотивы смерти и памяти – доминанты авторского мифа М. Цветаевой. Смерть связывается с мотивами сна, холода, снега и моря, а память – с мотивом любви и бессмертия.

Воссоздавая в поэтическом мире историю отношений с близким ей человеком, М. Цветаева реализует определенные коммуникативные стратегии. Биографический материал переосмысливается, формируя зарождающийся авторский миф. Характер и своеобразие переживания лирической героини определяют образы-доминанты: внимающей собеседницы, *лунатика двух темных лун*, символизирующие одержимость и преклонение перед коммуникативным партнером, а также женщины-поэта, способной даром воспевания обессмертить своих избранников.

В данной статье на материале цикла «П. Э.» изучено влияние на авторский миф М. Цветаевой биографического подтекста и коммуникативных стратегий. Такой подход

предлагает возможный вариант решения проблемы своеобразия эстетической парадигмы, реализуемой поэтессой в 1910-е годы.

1. Саакянц А. А. Марина Цветаева. Жизнь и творчество. – М., 1997.
2. Швейцер В. Быт и Бытие Марины Цветаевой. – М., 1992.
3. Шевеленко И. Литературный путь Цветаевой: Идеология – поэтика – идентичность автора в контексте эпохи. – М., 2002.
4. Брюсов В. Новые сборники стихов. <Отрывок> // Марина Цветаева в критике современников: в 2-х ч. – М., 2003. – Ч. 1. 1910 – 1941 годы. Родство и чуждость. – 2003.
5. Цветаева М. Собрание сочинений: в 7 т. – М., 1997. – Т. 1. Кн. 1: Стихотворения / Сост., подгот. текста и коммент. А. Саакянц, Л. Мнухина. – 1997.
6. Маковский М. М. Вода // Сравнительный словарь мифологической символики в индоевропейских языках: Образ мира и миры образов. – М., 1996.